

О. Н. Яхно *

ВЕЩНЫЙ МИР КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА РУБЕЖА XIX–XX ВВ.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ человека не считается чем-то интересным, уникальным или героическим и по этой причине исследователи не жалуют ее особо пристальным вниманием. Хотя все соглашались, что без изучения быта людей, ценностных ориентаций, поведения в обычных жизненных ситуациях не возможно воссоздать полноценную историю. Такой анализ становится особенно актуальным для изучения переломных моментов истории. Одним из них, очевидно, является рубеж XIX–XX вв., когда наблюдались значительные сдвиги в экономической, политической, социальной сферах. Повседневная жизнь также претерпевала существенные изменения. Особенно явственно это было заметно в городах. И именно в них остро проявлялся конфликт между новыми требованиями времени и традиционными установками.

Советская историография основное внимание уделяла росту рабочего движения и развитию революционной ситуации в стране. Специальных исследований по истории городского быта за редким исключением не проводилось¹. Снятие идеологических ограничений в 1980–90-е годы позволил российской исторической науке расширить круг тем, а также подходов и ракурсов для их изучения. Задаче реконструкции отдельных сторон повседневная жизнь российских столиц начала XX века посвящен ряд работ, вышедший в последнее время². С помощью фотографий, открыток, рисунков в прессе авторы старались увидеть сами и показать читателям подлинное лицо забытой повседневности. Наряду с этим стоит подчеркнуть, что увеличилось число работ, посвященных изучению жизни провинциальных городов³.

В своих исследованиях авторы в большей мере опираются на разнообразный круг письменных источников: нормативно-правовые документы, законодательные акты, делопроизводственную документацию, статистические обзоры, периодическую печать, мемуары, письма и т.д. И это соответствует наработкам отечественной школы источниковедения, которая оставляет прерогативу за письменными источниками. Но в последнем издании учебника по источниковедению новейшей истории России наряду с кинофотофонодокументами вводятся в оборот и произведения искусства⁴. На наш взгляд этот перечень источников будет неполным без включения в него источников материальной культуры.

* Яхно Ольга Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург).

¹ Будина О. Р., Шмелева М. Н. Город и народные традиции русских. М., 1989.

² Муравьева И. А. Век модерна: панорама столичной жизни. СПб., 2001. Т. 1; Руза В., Кокорев А. Москва повседневная. Очерки городской жизни начала XX века. М., 2006.

³ Миненко Н. А., Анкаримова Е. Ю., Голикова С. В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. М., 2006; Лавицкая М. И. Орловское потомственное дворянство второй половины XIX – начала XX века. Орел, 2005; Она же. Орловское купечество второй половины XIX – начала XX века. Орел, 2007.

⁴ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М., 2004.

Редкий историк (мы не берем археологов и этнографов) в качестве источника повседневной жизни исследует материально-вещную среду. Ей в большей мере уделяют внимание социологи, дизайнеры, маркетологи, культурологи, искусствоведы. Ими неоднократно подчеркивается, что вещи способны рассказать не только об их владельцах, но и дать более общую картину экономической ситуации, психологического климата в обществе, культурных смыслов. Бытовое окружение человека наполнено вещами, через которые он заявляет о себе миру. Цвет, силуэт, пропорции, фактура материала характеризуют не только саму вещь, но рассказывают о человеке, который ею пользуется, о его ценностных ориентациях⁵. Таким образом, сама форма, не изображая человека, создает его образ – человека определенной эпохи, культуры, социального состояния и душевного склада.

Перемены в нашей стране привели к кардинальной переоценке ценностей, заставили посмотреть с большим интересом, а главное отдавать отчет о материальном окружении человека. Традиции, заложенные русскими публицистами, также подверглись критике. Согласно положениям нормативной эстетики Чернышевского, жизнь выше искусства, литература – выше других видов искусства, идейное содержание произведения – выше формы. Непререкаемый авторитет слова был доминантой в воспитательном процессе. Именно тот факт, что русский человек не уделял сознательного внимания вещному миру, делает вещи очень привлекательным средством для исследования состояния культуры определенного периода.

Обычный человек не анализирует свои вкусы, не задумывается о выборе того или иного цвета или формы. Никто, в основном, не выводит эту информацию из подсознательного уровня в сознательный и поэтому внимательный исследователь имеет возможность изучать эту ценную информацию и читать ее носителя как «открытую книгу». Остается лишь научиться расшифровывать знаки этой книги. Анализ неписанных источников дает возможность оценить эстетические предпочтения, рассказать о ценностях, об ощущении времени и пространства, скорости и ритме жизни, а также степени реализации творческого потенциала человека в повседневной жизни.

Для изучения изменений, происходящих в быту и представлениях людей важны в первую очередь не официальные документы, а материалы, несущие личностный отпечаток, такие как личные вещи. Решающую роль при этом играет не столько отбор источников, сколько угол зрения историка, ведь информация ментального характера не фиксируется в материале специально.

Источники, используемые в повседневной жизни, дают наибольшую возможность для реконструкции ее особенностей. Предметное бытие культуры является ее центральным слоем, т.к. предметы, отделившись от процесса их породившего, предоставляют возможность вновь их воспринимать и изучать. В культуре, как и в обществе, материальность сохраняет свое базовое значение. Люди при всей своей высокой духовности вынуждены обеспечивать свое материальное бытие, свое физическое существование, но способы этого оказываются уже не биологическими, а культурными.

Человеческое тело также объединяет в себе два начала: природное и культурное. С вхождением тела в культуру оно обретает «потребительскую стоимость», т.е. способность удовлетворять разнообразные практические потребности, рождающиеся в культурном бытии людей; таково здоровье, поскольку он

⁵ См.: Бодрийар Ж. Система вещей. М., 1995. С. 7.

обеспечивает не саму физическую жизнь, а работоспособность человека и его способность к полноценному общению с другими людьми.

Практическое функционирование тела в культуре с самого начала таит возможность его превращения в носителя различных социальных значений, различных типов информации; так тело человека становилось материальной основой особого языка культуры, приобретая семиотические свойства. «Границы, размеры телесности человека не совпадают с телом человека, телесность охватывает большее пространство, включая предметно-вещные границы и явления сознания — традиции, предрассудки, планы, потребности и пр.⁶» Одним из разрешенных обществом вариантов репрезентации тела является костюм. Поэтому одежда является неисчерпаемым источником изучения быта любой эпохи.

Подобно человеческому телу, вещь является природно-материальным и культурным объектом. Первая роль, в которой вещь выступает в культуре, — потребительская стоимость, способность вещи удовлетворять определенные практические потребности людей. Эти последние являются не только чисто биологическими, но и окультуренными. Кроме этого полезная вещь становится носителем социальной информации, т.к. на ее потребительскую стоимость наслаивались ценностные смыслы.

В период индустриализации в связи с изменениями общественных отношений, характера общественного производства и общественного потребления, усложнения жизни вообще, а быта в частности, стал развиваться процесс дифференциации функции вещи в связи с распадом изначально единой материально-художественной деятельности. Этот процесс вел к поляризации и все более дробной спецификации разных функций вещи, обусловленных той или иной ее ролью в культуре. Полезная вещь практически утратила ритуально-священный характер, а красивая вещь все чаще представляла как абсолютно бесполезная — как чистое украшение.

Хотя процесс этот протекал крайне неравномерно — в городской культуре гораздо более последовательно, чем в крестьянской, — его направленность была повсеместной и универсальной. Несмотря на распад исходной полифункциональности, материальная вещь остается носителем богатейшей информации.

В рекламе разнообразных вещей в той или иной форме находят отражения самые разные проявления бытия. В первую очередь объявления позволяют представить ассортимент товаров и услуг, использовавшийся в повседневной жизни. Но кроме этого она позволяет восстановить образ мыслей людей, способы и формы организации их мышления, актуальные на данный момент представления и эстетические нормы. Необходимость сохранять высокую работоспособность, соответствовать требованиям для достижения профессионального успеха породил спрос на товары и услуги, поддерживающих здоровье. Иметь естественный, т.е. здоровый и привлекательный вид, по мнению рекламы начала XX в., могли практически все. Помимо косметики и лекарств выглядеть красиво и молодо помогала еще и правильная одежда. Это породило тенденцию имитации роскоши дешевыми средствами. Фотографии дают яркую возможность современному зрителю увидеть разнообразные сочетания элементов костюма. Такой колоритный внешний вид выходцев из различных социальных слоев был следствием сложного переплетения материальных и идеальных факторов.

В начале XX в. города столкнулись с новым явлением массового производства, массовой культуры и моды. Наряду с традиционными историческими пись-

⁶ Телесность человека: междисциплинарные исследования. М., 1991. С. 7.

менными источниками важным объектом для анализа могут быть массовый костюм, предметы домашнего обихода и бытовой техники, форма организации жизненного пространства дома. От этого менялся облик города в целом. Такие бытовые подробности дают тот штрих, который придает исторической картине объем и многомерность, приближая исследователя к изучаемой эпохе.

Наше столь пристальное внимание вещественным и изобразительным источникам еще объясняется и следующим обстоятельством. Если вербальные исторические источники могут быть идеологизированы, как правило, подчинены какой-то внешней идее, подвержены цензуре при создании, то материальное окружение «среднего» человека с бытовым самосознанием в подавляющем большинстве случаев не обременено подобным грузом. Изучая латентные источники, содержащие в себе образы бессознательного, можно реконструировать «героя своего времени».

Идеи, которыми руководствуются люди в своей деятельности, меняются значительно медленнее, чем материальные условия, и, значит, вся жизнь людей будет находиться под их совместным и противоречивым воздействием. Анализ материально-вещной среды, несущей скрытую информацию, помогает более полно оценить глубину происходящих изменений в обществе. В такие периоды вещь одновременно несет черты предыдущего периода, но уже заметны некоторые новые элементы. В частности, развитие промышленного производства, машинной индустрии привело к изменениям как в облике человека, так и окружающем его городском пространстве. «Предметы, их синтаксис и их риторика отсылают к определенным социальным целям и социальной логике. Поэтому они говорят не столько о технических практиках использования, сколько о социальных претензиях и покорности, социальной мобильности и инертности, о привыкании к новой культуре и погруженности в старую, о стратификации и социальной классификации»⁷.

⁷ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М., 2004. С. 22.